

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕЗАВИСИМО ОТ ВИНЫ В ДОГОВОРНЫХ И ВНЕДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ*

А.В. ИКСАНОВА, аспирантка БГУ ©

В статье рассматриваются наиболее актуальные ситуации (случаи) ответственности независимо от вины в области договорных и внедоговорных обязательств. Особое внимание уделяется вопросам безвиновной ответственности за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности, анализируется ответственность хранителя за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, ссудодателя за вред, причиненный третьему лицу в результате использования вещи, определяются пределы ответственности должника, просрочившего исполнение договорного обязательства. В области деликтных обязательств автор исследует основания возмещения вреда, причиненного незаконными действиями в уголовном или административном процессе, а также вопросы безвиновной компенсации морального вреда. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства в сфере гражданско-правовой ответственности независимо от вины.

Одним из наиболее спорных и дискуссионных вопросов в юриспруденции является вопрос о так называемой ответственности независимо от вины. Проблема безвиновной ответственности привлекает к себе внимание представителей различных отраслей правовой науки. И хотя она относится к числу частных гражданско-правовых проблем, значение правильной ее постановки и решения велико и выходит далеко за пределы гражданского права.

Актуальность этого вопроса сегодня возросла вследствие расширения области применения безвиновной ответственности. Если ранее вина как субъективное основание ответственности носила характер общего принципа гражданско-правовой ответственности, о чем неоднократно указывалось в цивилистической литературе советского периода, то в 1991 году сфера применения его была значительно сужена. Наличие вины перестало служить необходимым основанием ответственности за нарушение обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 71 Основ 1991 г.). То же правило содержится и в пункте 3 статьи 372 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК).

Основными субъектами предпринимательской деятельности являются коммерческие юридические лица и индивидуальные предприниматели, однако предпринимательскую деятельность могут осуществлять и некоммерческие юридические лица постольку, поскольку она необходима для уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету их деятельности (ч. 4 п. 3 ст. 46 ГК). В случае, если лицо при исполнении договора не осуществляло предпринимательскую деятельность, оно несет ответственность при наличии вины в соответствии с пунктом 1 статьи 372 ГК.

Следует обратить внимание также на то, что норма о безвиновной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, ограничена лишь кругом возмездных договорных обязательств, поскольку безвозмездный характер договоров противоречит самой цели такой деятельности – извлечению прибыли. Полагаем, что безвозмездность договора заведомо исключает применение к должнику, нарушившему обязательство, специальных правил о повышенной по субъективному основанию ответственности за ненадлежащее исполнение. Более того, в некоторых случаях, смягчая ответственность за нарушение безвозмездных договорных обязательств, законодатель прямо оговаривает формы вины. Так, например, согласно пункту 1 статьи 647 ГК ссудодатель по договору безвозмездного пользования отвечает за недостатки вещи, которые он умышленно или по грубой неосторожности не оговорил при его заключении. Таким образом, простая неосторожность в действиях (бездействиях) ссудодателя исключает такую его ответственность.

Что касается ответственности хранителя за несохранность вещей, переданных на хранение, осуществляемое безвозмездно, то законодатель необоснованно, на наш взгляд, не оговаривает ее отдельной нормой. Ответственность хранителя за нарушение безвозмездного договора хранения попадает под действие правила пункта 1 статьи 791 ГК, в соответствии с которым хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, по основаниям, предусмотренным статьей 372 ГК. Безвозмездное хранение исключается, таким образом, из сферы предпринимательской деятельности. Вместе с тем, не всякое хранение, осуществляемое возмездно, отвечает признакам предпринимательства. Речь идет, например, о договоре хранения, заключаемом

* Статья поступила в редакцию 3 апреля 2006 года.

между гражданами и предусматривающем выплату вознаграждения за хранение (ст. 786 ГК). Тем не менее, основанием ответственности хранителя за утрату, недостачу или повреждение вещи, принятой на хранение, в обоих случаях является его вина, то есть умысел либо один из видов неосторожности. Однако в отношении обязанности хранителя обеспечить сохранность вещи, объем и характер соответствующих мер законодатель обуславливает возмездностью договора хранения, определяя в пункте 3 статьи 781 ГК, что в том случае, когда хранение осуществляется безвозмездно, хранитель обязан заботиться о принятой на хранение вещи не менее, чем о своих вещах. Целесообразно ли в такой ситуации уравнивание ответственности хранителя за неисполнение обязанности обеспечить сохранность вещей, переданных на хранение, если сама эта обязанность имеет разное содержание в зависимости от наличия либо отсутствия встречного предоставления? На наш взгляд, руководствуясь пунктом 3 статьи 781 ГК, а также положением о защите более слабой стороны в договорном обязательстве, правильней было бы ограничить ответственность хранителя за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, осуществляемое безвозмездно, пределами умысла и грубой неосторожности хранителя.

Нелогичность части 1 пункта 1 статьи 791 ГК видится нам и в следующем: указанный пункт содержит отсылку ко всей статье 372, то есть в равной степени как к ее пункту 1, так и пункту 3, содержащему правило о безвиновной ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности. Более того, на это прямо указывают слова «по основаниям, предусмотренным статьей 372 настоящего Кодекса». Однако тот же пункт 1 статьи 791 ГК особо оговаривает, что профессиональный хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие непреодолимой силы, либо из-за свойств вещи, о которых хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать, либо в результате умысла или грубой неосторожности поклажедателя. В роли же профессионального хранителя в соответствии с пунктом 2 статьи 776 ГК выступает коммерческая или некоммерческая организация, осуществляющая хранение в качестве одной из целей своей профессиональной деятельности. Таким образом, создается определенная коллизия между частями 1 и 2 пункта 1 статьи 791 ГК. Буквально толкуя соответствующие нормы, приходим к выводу, что индивидуальный предприниматель, возмездно осуществляющий хранение вещей в качестве одного из видов предпринимательской деятельности, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своей обязанности по обеспечению сохранности переданных ему вещей согласно пункту 3 статьи 372 ГК, к которому отсылает часть 1 пункта 1 статьи 791, несет ответственность

независимо от вины. Причем пределы его ответственности оказываются гораздо шире соответствующих пределов ответственности профессионального хранителя, освобождаемого от такой ответственности не только по причине непреодолимой силы, но также и «свойств вещи, о которых хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать, либо в результате умысла или грубой неосторожности поклажедателя».

С учетом сказанного, по нашему мнению, необходимо изложить пункт 1 статьи 791 ГК в следующей редакции: *«Хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, осуществляемое безвозмездно, если утрата, недостача или повреждение произошли вследствие умысла или грубой неосторожности хранителя».*

Хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, принятых на хранение, осуществляемое возмездно, в соответствии с пунктом 1 статьи 372 ГК.

Профессиональный хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие непреодолимой силы, либо из-за свойств вещи, о которых хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать, либо в результате умысла или грубой неосторожности поклажедателя».

В связи с вышеизложенным возникают сомнения и по поводу безупречности нормы статьи 651 ГК, устанавливающей безусловную безвиновную ответственность ссудодателя за вред, причиненный третьему лицу в результате использования вещи. Мало того, что ссудодатель в отличие от ссудополучателя не извлекает выгоды от передачи вещи в безвозмездное пользование, он вынужден отвечать не только за случайный вред (причем по смыслу данной статьи даже в тех случаях, когда законом предусмотрено возмещение виновно причиненного вреда), но и, более того, за простую неосторожность ссудополучателя. Руководствуясь сказанным, на наш взгляд, необходимо изменить редакцию соответствующей статьи на следующую:

«Если не установлена ответственность непосредственного причинителя вреда (ссудополучателя или лица, у которого эта вещь оказалась с согласия ссудодателя), ссудодатель отвечает за вред, причиненный третьему лицу в результате использования вещи, при наличии вины. В случае, когда закон предусматривает возмещение вреда и при отсутствии вины, ссудодатель освобождается от ответственности, если докажет, что вред причинен вследствие непреодолимой силы, умысла или грубой неосторожности ссудополучателя или лица, у которого эта вещь оказалась с согласия ссудодателя».

Большинство ученых, опираясь на ГК РСФСР 1964 года, солидарно в утверждении, что хотя сама норма о последствиях просрочки должника не упоминает об этом, едва ли можно сомневаться,

что в ней идет речь о просрочке, возникшей по вине должника [1, с.336; 2, с.53]. Таким образом, ответственность должника, просрочившего исполнение, традиционно признавалась виновной. Однако, на наш взгляд, с учетом действующего законодательства следует подчеркнуть, что поскольку ответственность за просрочку подчиняется правилам статьи 372 ГК, то следует говорить не о виновной, точнее, не только о виновной, но и безвиновной ответственности должника, просрочившего исполнение, что определяется в каждом конкретном случае законом или договором. Это положение имеет существенное значение для определения ответственности за случайно наступившую во время просрочки невозможность исполнения обязательства. Так, если на законном или договорном уровне установлена ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора на началах вины, то при случайной просрочке исполнения обязательства (хотя, строго говоря, в этой ситуации, по сути, и самой просрочки как разновидности нарушения договора нет) ответственность не наступит, а, следовательно, нет и оснований вести речь об ответственности независимо от вины в случае невозможности исполнения. В этом случае наступившая невозможность исполнения, за которую ни одна из сторон не отвечает, в соответствии с пунктом 1 статьи 386 ГК является основанием для прекращения обязательства.

Иная ситуация имеет место, когда просрочка наступила вследствие виновных действий должника (если законом или договором предусмотрена виновная ответственность) или случайно (если установлена ответственность независимо от вины и отсутствуют обстоятельства, освобождающие от такой ответственности). Невозможность исполнения обязательства, наступившая случайно во время такой просрочки влечет за собой ответственность, повышенную по субъективному основанию. Однако каковы пределы такой ответственности? Не называя оснований освобождения от нее, законодатель на первый взгляд оставляет этот вопрос открытым.

А.А. Собчак полагал, что в рассматриваемом случае ответственность расширена до пределов непреодолимой силы [2, с.53]. Такая позиция ученого во многом предопределялась тем, что в 60–70 годы ведущая роль в повышении договорной дисциплины и исполнительности отводилась виновной ответственности, а ответственность без вины чаще рассматривалась как аномалия, в исключительных случаях допускаемая законодателем. Сегодня ситуация кардинальным образом изменилась, однако, возможно, говоря об ответственности за случайно наступившую во время просрочки невозможность исполнения обязательства следует руководствоваться правилом, закрепленным в пункте 3 статьи 372 ГК, о том, что таким основанием является непреодолимая сила? Но в указанной правовой норме речь идет об ответственности за неисполнение или ненадлежащее

исполнение обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности, в то время как пункт 1 статьи 376 ГК распространяется как на предпринимательские, так и иные общегражданские договоры. Вероятно, следует узко трактовать термин «случайно наступившая», то есть, учитывая научное деление случая на простой (отсутствие вины) и квалифицированный (непреодолимая сила), признать, что законодатель имел в виду ответственность, ограниченную пределами последнего?

По нашему мнению, норма пункта 1 статьи 376 ГК подлежит буквальному толкованию в том смысле, что отсутствие в ней прямого указания на непреодолимую силу как основание освобождения от ответственности свидетельствует о том, что такая ответственность выходит за пределы форс-мажорных обстоятельств. Однако, поскольку основания наступления такой ответственности обусловлены просрочкой исполнения договора (нет просрочки – нет ответственности за невозможность исполнения), то налицо определенная связь и с основаниями освобождения должника от ответственности за просрочку исполнения договорного обязательства, к числу которых относятся обстоятельства, предусмотренные законом (например, просрочка кредитора в соответствии с п. 3 ст. 376 ГК) или установленные договором в каждом конкретном случае.

Что касается внедоговорных обязательств, то одной из дискуссионных ситуаций ответственности, независимо от вины в этой сфере, является ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (п. 1 ст. 939 ГК).

Вред, возмещение которого предусмотрено пунктом 1 статьи 939 ГК, может быть причинен как в уголовном, так и в административном процессе, причем ГК содержит исчерпывающий перечень актов правоохранительных органов и суда, незаконность которых служит основанием для возникновения деликтного обязательства. Однако главой 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УПК), регламентирующей производство по возмещению вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, предусмотрен иной перечень таких незаконных уголовно-процессуальных актов, причем также исчерпывающий. С одной стороны, часть 1 статьи 460 УПК содержит расширенный по сравнению с ГК перечень незаконных актов правоохранительных органов и суда, а другой – в ней опущены названные в пункте 1 статьи 939 ГК незаконное привлечение к уголовной ответственности и незаконное применение в качестве меры пресечения подписки о невыезде.

На наш взгляд, указанные нормы необходимо толковать как улучшающие положение наиболее уязвимой стороны в уголовном процессе – потерпевшего, то есть расширенно: часть 1 статьи 460 УПК дополняет, но не заменяет и не исключает

действие правил пункта 1 статьи 939 ГК, называя и иные незаконные действия должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, и наоборот. Однако, для того чтобы избежать коллизии норм в дальнейшем, считаем целесообразным изложить в единой редакции правила об ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда:

«Вред, причиненный гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение, осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается за счет казны Республики Беларусь, а в случаях, предусмотренных законодательством, – за счет казны административно-территориальной единицы в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законодательством».

В случаях, указанных в законе, независимо от вины причинителя возмещается и моральный вред (физические или нравственные страдания). В отличие от прежнего законодательства, согласно которому моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещался причинителем лишь при наличии его вины, статья 969 ГК содержит перечень оснований для безвиновной компенсации морального вреда. В основе такого подхода, на наш взгляд, лежит то обстоятельство, что сам вред, названный в качестве основания для компенсации

морального вреда по этой статье, возмещается вне зависимости от вины его причинителя.

Пункт 1 статьи 17 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» предусматривает, что компенсация морального вреда, причиненного потребителю, вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом) прав потребителя, предусмотренных законодательством, осуществляется причинителем вреда при наличии его вины, если иное не предусмотрено законодательными актами, хотя ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги наступает без учета вины продавца или изготовителя товара, исполнителя работы, услуги (ст. 964 ГК). По нашему мнению, в этом случае целесообразно было бы установить компенсацию морального вреда без учета вины причинителя, дополнив соответствующий перечень оснований безвиновного возмещения морального вреда, и изложить статью 969 ГК в следующей редакции:

«Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

1) вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

2) вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

3) вред причинен распространением сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина;

4) вред причинен гражданину в результате недостатков товара, работы или услуги;

5) в иных случаях, предусмотренных законодательными актами».

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. Е.А. Флейшиц и О.С. Иоффе. М., 1970.
2. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. №1. С. 49–57.

SUMMARY

Topical matters of liability irrespective of guilty in contractual and extra-contractual obligations are reviewed in the article. The author devotes close attention to the matters of liability without guilty for the breaches of obligations in business activity, the responsibility of the keeper for loss, shortage or damage of the things accepted on keeping, a lender for the harm caused to the third party as a result of use of a thing are analyzed, limits of the responsibility of the debtor who has delayed performance of the contractual obligation are defined. In area delict obligations the author investigates the bases of compensation of the harm caused by illegal actions in criminal or administrative process, and also questions guiltless indemnifications of moral damage. The author submits proposals to perfection of legal system in the sphere legal liability irrespective of guilty.